

**МЕТАФИЗИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ГЕРОЯ: КАТЕГОРИИ
ОДИНОЧЕСТВА, СТРАДАНИЯ И КОНФЛИКТА В ПРОЗЕ А.**

ПЛАТОНОВА И Н. ЭШОНКУЛА

Нуриддинов З.Ш.

преподаватель кафедры

методики русского языка,

Ферганский государственный университет

Юлчиев Қ.

доктор филологических наук,

профессор кафедры литературоведения,

Ферганский государственный университет

Аннотация. В статье предлагается сравнительно-типологический анализ метафизического состояния героя в прозе А. Платонова и Н. Эшонкула на основе экзистенциальной триады «одиночество — страдание — конфликт». Показано, что по всем трём осям триады между двумя авторскими моделями устанавливается устойчивая асимметрия, при этом типы триады находятся в отношении структурной взаимообусловленности.

Ключевые слова: сравнительное литературоведение, экзистенциальная поэтика, одиночество, страдание, конфликт, А. Платонов, Н. Эшонкул, М. Хайдеггер, К. Ясперс.

Категория метафизического состояния героя в современном сравнительном литературоведении требует инструмента, позволяющего различать внешне схожие переживания персонажей, принадлежащих разным национальным и языковым традициям. В качестве такого инструмента в настоящей работе используется экзистенциальная триада «одиночество — страдание — конфликт», операционализированная на основе категориального аппарата М. Хайдеггера (*Geworfenheit*, *Das Man*, различие *Furcht* и *Angst*), типологии пограничных ситуаций К. Ясперса, понятия абсурда А. Камю и категорий «тоска — стыд», «ум — сердце», предложенных Н. В. Пенькиной применительно к прозе А. Платонова. Триада применяется не как философская система, а как диагностическая рамка сравнительного литературоведения, апробированная на корпусе из восьми произведений А. Платонова и Н. Эшонкула.

По первой оси — локализации одиночества — между двумя моделями фиксируется устойчивая асимметрия. У А. Платонова доминирует одиночество среди людей: герой непрерывно социально вовлечён, но онтологически обособлен, и именно эта обособленность структурирует его существование.

Пухов («Сокровенный человек») живёт в гуще коллективов — бригада, отряд, мастерские, — однако именно эта плотность делает его одиночество структурным; формула «Тоска по родному месту взяла его за живое... родина — сердечное дело и не вся земля» фиксирует несводимость «сердечного дела» к идеологической целостности. У Макара («Усомнившийся Макар») та же структура доведена до предела: герой окружён коллективными формулами («трудящиеся массы», «московский народ»), ни одна из которых не вмещает его, — сдвиг от Das Man здесь дан в открытой форме. У Иванова («Возвращение») одиночество приобретает парадоксальнейшую форму — оно возникает не среди врагов, а среди близких, в собственном доме. Структурным исключением внутри платоновского корпуса выступает Фро, чьё одиночество локализовано не в социальном поле, а в памяти о теле мужа, — эта локальная проницаемость не отменяет доминанту, а уточняет её.

У Н. Эшонкула локализация одиночества последовательно смещена внутрь. У старого художника («Человек, ведущий обезьяну») одиночество тематизировано как «последнее убежище» — бегство от невыносимого внутрь собственной памяти при сохранении внешних социальных связей. В «Чёрной книге» одиночество достигает наиболее радикальной формы: герой формулирует его как заключение — «Тридцать лет я жил в заточении, среди стен неведения», — и радикальность заключается во внутреннем расколе самого «я»: вчерашний преступник, жертва и судья оказываются собранными в одном сознании. У Нормата («Люди войны») и Байна-момо («Ветер не поймать») одиночество также обращено внутрь: первый превращает заброшенный сад в форму существования, вторая герметизирует одиночество до полного отсутствия Другого в художественном пространстве.

По второй оси — темпоральному режиму страдания — различие Furcht/Angst позволяет разграничить реактивное страдание, вызванное конкретным событием, от устойчивого, конститутивного модуса бытия. В корпусе А. Платонова, как правило, оба режима соплагаются: страдание Пухова начинается реактивно (смерть жены), но переходит в устойчиво-фоновую модальность; исключение составляет Макар, чья «совестливая рабочая тоска» устойчива с самого начала, что уточняет диспропорциональность распределения пенькинской пары «тоска — стыд» внутри платоновского корпуса. У Н. Эшонкула страдание устойчиво изначально: у старого художника оно тематизировано как страдание, идущее из самой биографии, а не порожаемое отдельным событием; в «Чёрной книге» страдание выходит на онтологический

уровень — тридцатилетнее заточение есть структура прожитой жизни, а не следствие происшествия.

По третьей оси — уровне протекания конфликта — асимметрия наиболее структурно отчётлива. У А. Платонова конфликт развёрнут на уровне мира: герой втянут в столкновение идеи и действительности, утопического проекта и того, что С. Г. Бочаров определил как «вещество существования», — внутри этого столкновения разворачивается дихотомия «ум — сердце», зафиксированная Н. В. Пенькиной. У Н. Эшонкула конфликт собран внутри субъекта — как разрыв между прошлым и нынешним «я», между внешней видимостью и внутренней сущностью; применительно к этому материалу дихотомия «ум — сердце» не работает, и в качестве замещающего инструмента в работе предлагается оппозиция «я-сосуд — я-наблюдатель», ранее не сформулированная системно в эшонкуловедении.

Три оси триады не являются независимыми характеристиками: тип одиночества предопределяет тип страдания, тип страдания — тип конфликта, и именно эта цепь обусловленности обеспечивает аналитическую продуктивность триады. Зафиксированные локальные исключения («Фро» у А. Платонова, замена стыда ненавистью у Байна-момо) не нарушают асимметрию, а описывают модель двух авторских систем не как безальтернативное распределение, а как доминанту с локальной проницаемостью.

Проведённый анализ показывает, что экзистенциальная триада «одиночество — страдание — конфликт», применённая к корпусу из восьми произведений, подтверждает свою продуктивность как инструмент сравнительно-типологического изучения качественно различных литературных традиций и открывает возможность дальнейшей разработки категориального аппарата сравнительного литературоведения на материале русской и узбекской прозы XX века.

Литература

1. Платонов А. П. Сокровенный человек // Платонов А. П. Сочинения. — М.: ИМЛИ РАН, 2004. — Т. 1. Кн. 2.
2. Платонов А. П. Усомнившийся Макар // Платонов А. П. Усомнившийся Макар: Рассказы 1920-х годов; Стихотворения / под ред. Н. М. Малыгиной. — М.: Время, 2011.
3. Эшонкул Н. Қора китоб // Эшонкул Н. Қора китоб: қиссалар. — Тошкент: Шарқ, 2008.

4. Пенькина Н. В. Философские идеи прозы Андрея Платонова: проблема человека: автореф. дис. ... канд. филос. наук. — Ташкент, 2020.
5. Бочаров С. Г. «Вещество существования» (выражение Платонова) // Бочаров С. Г. О художественных мирах. — М.: Советская Россия, 1985. — С. 249–296.
6. Раҳматуллаев Н. Назар Эшонкул насрининг мифопозетик тизими: PhD diss. avtoref. — Тошкент, 2020.